

Наталья Баннова и Семен Мильштейн вместе уже 23 года. Дочке Марии 21 год. Они заслуженные артисты России, у каждого свой репертуар, своя дорога, свое творческое «я». Или все-таки творческое «мы»?

Роман с картошкой

Это было с четверть века назад. Тогда еще студентов посылали «на картошку»...

Черт-те чего творили, а? Ну ладно физики — потерпят. И лирики не развалились на «трудовом семестре» на куски, и мы, историки: сама ездила когда-то!

Но они-то как же?! Пианисты-скрипачи-музыканты? Им же руки-пальцы пуще глазу беречь надо было, инструмент рабочий! Не говоря о голосе — только и дела было им, студентам Гнесинки, что в мерзлой земле ковыряться, вместо того, чтобы гаммы-сольфеджи свои петь!

— Да ничего, — улыбается Наталья, — работали. Как все! И весело было!

— Работали — не то слово, — вторит-поправляет жену Семен. — Пахали, дай тебе, боже! Чтоб они так работали, как я вывез однажды за день тринадцать машин с картошкой на базу! Пятдесят пять тонн! За день!

— Неужели тринадцать, Сенечка? — позволяет себе усомниться жена.

— А ты не помнишь, да? Конечно, не помнишь, ты ж на нас на всех тогда кашеварила, больше ж никто из девчонок готовить не умел...

— Ага, и когда однажды у нас вырубил свет — помнишь? Ты мне дикий разнос устроил как командир отряда, орал: хоть на костре вари, но чтоб всех ребят накормила!

— Я?! Орал?! Наташенька, ну какой же разнос? Чтобы я, интеллигентный одесский мальчик...

— Разносил! Я потом ревела! И хохочут оба.

Он учился на четвертом курсе, она только поступила на первый — после училища имени Октябрьской революции, ныне — имени А. Шнитке (класс профессора Шадринной. — М. В.) Он — из «правильной» еврейской семьи, где папа, сами понимаете, врач, а старший брат играет на скрипке. Она — с Волги, из городка Сарова, иначе говоря — Арзамаса-16. Папа строитель и мама — строитель, папа на бульдозере, а мама на кране, работяги и романтики, певучие волгари.

И был в ее жизни детский хор и дворец пионеров (и кому это только мешало?), и конкурс «Алло, мы ищем таланты!» И Наташа всегда хотела петь только и именно русские народные песни.

А Семен, увидев однажды — случайно по телевизору, — как играет божественный Тимофей Док-

ПЕВИЦА

ФОТО АНАСТАСИИ МАРКЕЛОВОЙ

И ТРУБАЧ

шицер, как поет и плачет, ликует и тоскует труба в его руках и губах, — влюбился без памяти в этот инструмент.

И ровно через шесть лет он поступил в Институт имени Гнесиных, в класс Тимофея Александровича Докшицера. А потом встретил ее.

...Как там у классика? Насчет «вода и камень, лед и пламень»?

Семен и Наташа поженились — еще студентами.

Его «Наташенька»

Мы сидим с Наташей и Семеном на их уютной кухне — а где же еще, господи ты, боже мой, посидеть трем интеллигентным людям?! И мне, заядлой курильщице, радужно разрешают подымити, только Семен открывает форточку и заботливо укутывает плечи жены свитером...

— Это даже удивительно, но моя Наташенька с моей мамой стали такими подружками! Вы же понимаете, русская невестка в еврейской семье... да? Но это просто удивительно, как они спелись, звонят друг другу чуть не каждый день! Что-то там обсуждают... без меня.

— Тебя и обсуждаем, кого же еще? — смеется Наталья. — И как, говорит мама, ты только его терпишь?

Насколько я разбираюсь в артистической жизни, телефон у них вообще едва не главный «член семьи»! И вот такие посиделки на кухне — редчайшая редкость. Гаст-

роли, поездки, выступления, записи, оба — солисты. Отдельного показательного оркестра Министерства обороны России. А Наташа сейчас еще и преподает в Институте современного искусства...

О чем говорить, если редкий Новый год встречают они вместе, редкие дни рождения каждого выпадают так, чтобы отметить. Прямо по песне: «На Север поедет одна из вас — на Дальний Восток другой!»

Секрет семейного счастья... Вот, я всегда это говорила и говорить буду, и повторять! Нужно, чтобы муж и жена занимались одним делом — это сближает. И в то же время пореже встречались, чтобы совместная жизнь не превратилась в рутину, чтобы каждая встреча — как праздник!

Но на всех такого нетипичного семейного счастья не хватает, сами понимаете. Да и то можно изгадить — творческой завистью и ревностью.

Чего в них нет, того нет. Ни зависти, ни ревности. Это у артистов редко, но бывает.

— А вы слышали, как Наташа поет? Нет, вы слышали ее голос? Согласно, что так никто не может?

— Сенечка, не горячись, — говорит Наташа.

— Ах, я вас умоляю! Надя Бабкина, Надя Кадышева, Люда Рюмина — это все хорошо, у них хорошо! Но у Наташи — ну совершенно свое, другое! Так никто не поет народных песни! Так Сегодня Никто Не Поет!

— Сенечка, не горячись, — говорит Наташа. — У них так сложилось, у меня по-другому...

Но не может ее «Сенечка» не горячиться, когда дело касается обожанной жены! И тащит меня из кухни в комнату, где стоит компьютер с колонками, и ставит диск, который выпустила буквально на днях компания «Синтез продакшн», и запускает на полную мощь — и льется удивительный голос...

И пусть не сильна я в смысле музыкальной образованности — консерваторий не заканчивала, знаете ли. Но екает сердце. Первая песня — «Гляжу в озера синие». И диск так называется. И еще «Цветы России». И «Травы луговые». И «Как со вечера пороша».

Да... Ну что я вам скажу? ЭТО не будешь слушать под водочку-селедочку в кабаке. Это вам не «конфетки-бараночки».

Не кич. Настоящее!

Ее «Сенечка»

...Вот уж действительно: спелись, так спелись! По-хорошему, белой завистью завидую: так у них все в унисон! И если один говорит, что никогда в жизни, даже когда играл в ресторанах, даже когда заказывали-требовали, деньгами швыряясь, заказывали «Мурку» — он не играл!

А также — «Гоп-стоп, СемЭн, засунь ей под ребро!» (нетрудно догадаться, да?)

Ну вот не играл этого, и не будет никогда! Потому как очень се-

бя, свой инструмент и свою музыку Уважает.

А вторая — вторит, что никогда не пела и петь не будет «Горячи-бублики» — по той же примерно причине. И потому что преподавательница в Гнесинке, профессор Шамина Людмила Васильевна, говорила ей когда-то, что руки не подает своей ученице, коли та позволит себе!

Но при этом — другие — пожалуйста! И «Мурку», и «Бараночки», почему нет? Всякому свое, вольному воля, спасенному рай, слова дурного ни о ком не скажут, не завидуя успеху, популярности, гонорарам.

Просто хотят свое. Играть и петь. Свое и по-своему.

— Сенечка — удивительно, безмерно талантлив! Не только труба — он все может, все! На клавишных, на ударнике, а как поет! А как биг-бэндом «командует»! А юморной, заводной, во всех компаниях — душа... — Наташа подливает мне кофе, улыбается.

— Ну! Одессит. И этим все сказано, — понимающе киваю я.

— Ты забыла сказать, что я еще «немножечко играю себе в футбол», — говорит Сенечка с интонацией «из анекдота». И уходит разговаривать по телефону в другую комнату.

— Знаете, в нашей среде есть такие особы... женского пола... Любят подколоить: «Ах, какой у вас замечательный муж! Кстати, вы еще не развелись?» Понятно, да?

— Наташенька, дак это не только в вашей среде! — утешаю я ее. — Это повсеместное!

— Он сейчас так за меня переживает, столько делает, столько носит, он так понимает, что значит для меня — моя песня...

Соло для двоих

...Нет, я все-таки не могу понять: как же так? Неужели тесно стало в России русской песне? Ну ведь правда же, наелись, нахлебались, накушались — и «мурок» и «бараночек-саночек», — того, что прежде было «ни-зя», а теперь кто только не блеет...

А не надоело ли это самое ухарство? А не хочется ли чего другого? Чтобы и слова другие, и музыка по-настоящему, — от которых мурашки по коже, как ветер по спелым хлебам, по травам луговым...

И не парадокс ли, что человек по фамилии Мильштейн занимается тем, что пытается нам вот это «другое», русское народное, забытое ныне народное, — принести и дать? А другие «человеки», и даже с более приличествующими случаю фамилиями отнекиваются: да зачем нам, да есть у нас уже — и та, и другая, и третья... Будя! В смысле хватит!

Это русской-то песни хватит?! Это тесно будет, да? Почему?

...Уж какой там «парадокс». Стыдобушка-срамотища, вот как это называется.

Нет, я, конечно, не такая дура наивная, как может показаться, и отлично понимаю, что есть, значит, такое слово «раскрут». Одних раскрутили — одни «в обойме», на других денег не стало. Не стало средств на песню народную, понимаешь, дело какое...

Не все, слава богу, так думают и считают. Вот Владимир Петрович Пресняков — совсем даже иначе. Так сложилась жизнь творческая у Семена, что часто выступает он в последнее время с мэтром нашей эстрады, концертирует. И вот, услышавши, как поет Наташа, мастер подарил ей несколько своих песен, написанных в традициях лучших наших композиторов-песенников, которые в свою очередь давно уже стали во все народные: как песни, к примеру, Евгения Птичкина. И гармонично вписались эти песни Владимира Преснякова в альбом, записанный Наташей. И вообще помогает он им со всякими-разными аранжировками-оркестровками, в которых я, если честно, совсем не разбираюсь, поскольку, как уже говорила, «консерваториев» не кончала...

Но другое очень даже хорошо понимаю — и для этого не надо высшего музыкального образования и какого-то там изощренного слуха. То, что сегодня поет Наташа, то, что делают они с мужем — это, правда, здорово. Это красиво. Это — настоящее.

Ну, как настоящая любовь. Уж ее-то от подделки всякий отличить может. Верно?

Ольга МОЗГОВАЯ